

Николай

ЛЕОНОВ

**Алексей
МАКЕЕВ**

**ПРОКЛЯТАЯ
УСАДЬБА**

Москва

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *Г. Саукова, В. Щербакова*

Иллюстрация художника *В. Остапенко*

Серия основана в 1993 году

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Проклятая усадьба / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Черная кошка).

ISBN 978-5-699-92858-3

Банкир Аркадий Кононов убит в усадьбе своего друга при весьма загадочных обстоятельствах. Что это — месть конкурентов, семейные разборки или любовная интрига? Следователь МУРа Лев Гуров приступает к расследованию. Он лично знаком с каждым из подозреваемых — не так давно полковнику довелось отдыхать в их компании. Гуров пытается разобраться в непростых отношениях между родными и близкими банкира и в конце концов выдвигает свою версию убийства. Поначалу она кажется невероятной, но после того, как над головой сыщика начинают свистеть пули, а в усадьбе появляется еще один труп, становится ясно: следователь попал на след настоящего убийцы.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92858-3

© Макеев А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Проклятая усадьба

ПОВЕСТЬ

Глава 1

— Вот и приехали! — заявил водитель, останавливая машину под козырьком навеса. — Нет-нет, вы не беспокойтесь, сумку вашу я отнесу.

— Я свои вещи сам привык носить, — попробовал возразить Гуров.

— Ну, тут уж ничего не поделаешь, у нас так принято, — настаивал водитель. — А то Игорь Арсеньевич увидит, что я вам не помог, будет сердиться.

— Ладно уж, только ради твоих премиальных... — пробурчал Гуров, оставив свою драгоценную сумку на произвол водителя.

— А вы ступайте в дом, да не спеша, — посоветовал его чичероне. — Поглядите на дом, на парк. У нас есть на что посмотреть.

И с этими словами удалился. А Гуров воспользовался советом и стал оглядываться.

Стоял прекрасный день начала августа. Жара, стоявшая в Центральной России весь июль, уже спала, наступили самые приятные дни лета. Особенно хорошо эта пора воспринималась здесь, в усадьбе, расположенной в самом сердце Кашинской губернии.

С первого взгляда Гурову показалось, что он находится не в парке, в центре богатой усадьбы, а где-то в сердце дремучего леса — об этом говорили вековые ели, окружившие парковку, тропа, петляющая между скалами, журчание лесного ручья. Но стоило приглядеться, и становилось заметно, что дремучесть и неухоженность здешнего пейзажа — кажущиеся, и на самом деле является результатом больших усилий. Гранитные валуны, из которых были сложены скалы, явно были привезены изда-

лека; на их уступах были разбиты клумбы, так что мрачные валуны оделись в яркий цветочный наряд; тропинки посыпаны кирпичной крошкой; лесные ручьи текли по искусственному руслу, образуя водопады и пруды. Такой «дремучий лес» стоил немалых денег.

Гуров прошел по тропе, по которой ушел водитель, и увидел заросший кувшинками пруд, а за ним — дом причудливой архитектуры. Дом был вроде бы скромный, но Гуров видел немало жилищ богатых людей и теперь сразу понял, что этот домик рисовал не сам хозяин на коленке; нет, его проектировал хороший архитектор.

Лев Иванович не успел как следует разглядеть все детали усадьбы. Дверь дома растворилась, и навстречу Гурову поспешил высокий черноволосый человек с волевым лицом. Это был хороший знакомый Гурова банкир Аркадий Ильич Кононов — собственно, он и пригласил сыщика сюда на отдых.

Знакомство сыщика Гурова и банкира Кононова произошло два года назад при довольно трагических обстоятельствах: полковник Гуров расследовал дело банкира, которого обвинили в убийстве своего заместителя. У следователя, который начал вести это дело, было готово обвинение против Кононова, которому грозил немалый срок. Собственно, банкир уже начал отбывать срок — он сидел в СИЗО. Когда Гуров стал разбираться в собранных следствием уликах, доказательная база обвинения стала рушиться как карточный домик. Зато в поле зрения полковника появились новые фигуры — банда вымогателей, которые хотели прибрать к своим рукам основанный Кононовым банк. Спасенный от тюрьмы банкир проникся к полковнику глубокой благодарностью. Зная, что тот не принимает никаких подношений, он старался выразить свои дружеские чувства тем, что приглашал Гурова отдохнуть в разных местах, принадлежащих его друзьям или ему самому. Теперь он пригласил знаменитого сыщика провести часть отпуска (Гуров не мог себе позволить отдохнуть хотя бы две недели подряд; максимум — неделю) в усадьбе «Комарики» в Кашинской губернии. Усадьба принадлежала другу и деловому партнеру Кононова — миллиардеру Игорю Вдовину.

— Лев Иваныч, наконец-то! — воскликнул банкир; голос у него был низкий, рокошующий. — Мы тебя еще позавчера ждали; Николай, водитель, два дня ездил на станцию, тебя встре-

чать. Ты чего так задержался? Ведь у тебя отпуск уже три дня как начался, ты сам говорил!

— Отпуск начался, да дела отпускать не хотят, — усмехнулся сыщик. — То одно, то другое. Мог и сегодня не приехать.

— Это было бы очень печально, — трагическим тоном заявил Кононов.

— А что такое? — спросил Гуров.

— Пришлось бы мне лезть на ель и кричать оттуда глухарем — такой спор у меня с Игорем вышел, — объяснил банкир. — Он так и заявил: «Вот увидишь, не приедет твой Гуров. Я про него слышал — он настоящий трудоголик, и ничто, кроме расследования преступлений, его не интересует». Ну а я уверял, что ты все-таки приедешь.

— Может, зря я это сделал? — сказал Гуров, придав лицу выражение глубоких сомнений. — Может, лучше взять да и уехать, пока меня никто не видел?

— Это отчего же? — удивился банкир.

— Ну, думаю, тебе было бы полезно заняться высотными тренировками, — отвечал Гуров. — И потом, умение кричать глухарем — редкое умение, им не все могут похвастаться.

Банкир только теперь понял, что сыщик шутит, и громко расхохотался.

— Нет уж, давай я тренировками в другой раз займусь! Уехать из такого места — просто преступление. Ты не представляешь, какая в здешних местах охота! Бекас, перепел, куропатка... А еще на кабана сходить можно. А рыбалка? Тут речка есть, и там в заводях только что киты не водятся! А вечером...

Аркадий Ильич закрыл глаза; лицо его выразило крайнюю степень восхищения.

— У Игоря такой повар, — сообщил он, — что в Москве не всякий ресторан такого повара имеет. В основном этот повар, Никита, специализируется на русской кухне — ну, там всякие расстегаи, кулебяки, мясо, запеченное с картошкой, — но хорошо разбирается также в кухне итальянской, японской и французской. Может сделать и суши, и фрикасе, и эскалоп, и вообще что хочешь. А вина! Впрочем, я знаю, что ты до вин небольшой охотник и всякой лозе предпочитаешь известный русский напиток — но и водок здесь отличный выбор. Ну, и потом, не одной же гастрономией жив человек! Ирина чудесно играет, поет...

— Ирина — это жена? — уточнил Гуров.

— Ну да, чудесная женщина. Вообще тут очень интересно. Я еще не перечислил сауну со всеми причиндалами, кинозал, теннис... А другие гости!

— А моря нет? — деловито осведомился Гуров.

Банкир растерялся.

— Моря? Но в наших широтах, сам понимаешь... Тут в пятидесяти километрах есть озеро, довольно большое...

— Ну, что мне озеро! — произнес Гуров тоном капризного туриста. — Вот если бы тут было море с золотой рыбкой, что желания исполняет...

Аркадий Кононов, поняв, что его вновь разыграли, снова захохотал.

— И что бы ты потребовал от золотой рыбки, если бы она к тебе в сети попала? — спросил он.

— Ну, что... — задумчиво сказал Гуров. — Во-первых, что-бы нашла мне доказательную базу и все улики по делу о разбое в районе Ховрино — я над этим делом уже месяц бьюсь, а во-вторых, помогла бы сдвинуть тебя с места, а то мы здесь уже добрые четверть часа стоим перед домом. И я так чувствую, что я весь отпуск так и проведу на этом пятачке, слушая твои сладкие песни о здешних красотах!

— О, как я счастлив, о славный следователь Лев ибн Иванович, что это твое желание могу исполнить! — воскликнул банкир, срываясь с места и увлекая сыщика к дому. — Пойдем же, я тебя представлю хозяевам!

Они поднялись по широким ступеням, открыли дверь и оказались в просторном холле. Он был выполнен в том же «природном» стиле, что и парк, и сам дом снаружи: стены не знали, что такое прямые углы, и плавно изгибались, переходя в широкий коридор, ведущий в глубь дома; наверх, на второй этаж, вела лестница из мореного дуба.

Не успел гость толком оглядеться, как в коридоре послышались голоса, и в холл вышли два человека с теннисными ракетками в руках. Впереди шла молодая женщина лет тридцати. Золотистые волосы с расчетливой небрежностью обрамляли ее миловидное лицо, на котором выделялись большие карие глаза и яркий красивый рот. Это, несомненно, была сама Ирина Вдовина, хозяйка дома. И она, несомненно, была человеком, привыкшим к общему вниманию. И Гуров уже собрался ее привет-

ствовать; однако ее спутник, немолодой уже, довольно грузный мужчина, невольно привлек его внимание и заставил взглянуть на себя пристальней. «Где-то я его уже видел! — подумал Гуров. — И совсем недавно! Но где?» Однако дальше раздумывать было невежливо, тем более что Кононов своим звучным голосом уже произнес:

— Вот, Ирина Васильевна, позвольте представить вам нашего знаменитого гостя Льва Ивановича Гурова. Лев Иванович — сыщик, которого знает вся Москва! А это хозяйка дома, Ирина Васильевна.

Последнюю фразу он произнес, уже повернувшись к Гурову.

— Очень рада, — произнесла хозяйка, протягивая гостю руку. Голос у нее был милый, очень соответствовавший всему ее облику. — Я много о вас слышала.

— Я тоже рад, — отвечал Гуров, чуть пожав тонкие, но сильные пальцы женщины. — Представляю, что вам мог рассказать обо мне Аркадий Ильич. Небось все какие-нибудь погони да перестрелки. Вы не верьте — он мою работу сильно приукрашивает. И потом, не такой уж я знаменитый. Что называется, «широко известен в узких кругах». Мне кажется, здесь есть человек, гораздо более известный, чем я.

С этими словами он повернулся к немолодому спутнику хозяйки.

— Мне кажется, я вас видел, — сказал он. — И даже вспомнил, где — по телику. Кажется, вы певец. Я не ошибаюсь?

— Браво, Лев Иванович! — воскликнул Кононов. — При твоём равнодушии ко всему, что не касается сферы следствия, такие знания можно считать просто энциклопедическими. Ты не ошибся — перед тобой сам Олег Синицын, знаменитый автор и исполнитель!

— Ну да, конечно! — в свою очередь, воскликнул Гуров. — Точно, я вас помню. Вас моя жена очень любит слушать.

— А ведь это комплимент, и хороший, — заметил Кононов, обращаясь к Синицыну. — Ведь жена Льва Ивановича — оперная певица, и довольно известная. Так что ее оценка много значит.

— Очень рад, — отозвался на все эти тирады знаменитый певец, скупой улыбнувшись Гурову. Впрочем, улыбка у него была хоть и скупая, но хорошая, искренняя. И в целом он сыщику понравился. Он видел немало знаменитостей, знал, как

они себя держат; Синицын на их фоне выглядел очень скромным человеком.

— Вы к нам надолго? — спросила у гостя Ирина Вдовина.

— Да, надолго, собираюсь до конца недели прожить, — отвечал сыщик.

— Разве это надолго? — рассмеялась Ирина. — У нас тут есть чем заняться, что посмотреть. Так что гости по месяцу живут, даже дольше.

— Да я уже Льву Ивановичу расписывал все прелести вашего имения, — сказал Кононов. — Только не знаю, произвел ли нужное впечатление. Но вы учтите, Ирина, для Льва Ивановича неделя — это и правда большой срок, он иногда и трех дней в году не отдыхает, все делами занимается.

— Как мне вас жаль! — воскликнула хозяйка. — Впрочем, еще неизвестно, что лучше. Такая увлеченность делом говорит, что дело того стоит. Но мне хотелось бы, чтобы вы у нас хорошо отдохнули. Может, пойдете с нами на корт? Я вам уступлю ракетку, сыграете с Олегом партию...

— Спасибо за предложение, но я в теннисе полный профан, — признался Гуров.

— Не может быть, чтобы знаменитый Гуров в чем-то был профаном! — послышался голос сверху.

Гуров поднял голову. По лестнице в холл спускался шуплый, узкоплечий человек лет сорока пяти, с водянистыми, слегка навывкате глазами и заметной залысиной. Это, разумеется, был сам владелец усадьбы «Комарики», а также Кашинского металлургического комбината Игорь Арсеньевич Вдовин.

— Очень рад знакомству, — сказал он, подходя к гостю и протягивая руку. — Много о вас слышал. Но, я смотрю, вас здесь держат, не дают пройти в комнату, отдохнуть с дороги. Это непорядок. Сейчас я... Марина! — громко позвал он.

Тут же наверху зацокали каблучки, и в холл сбежала невысокая миловидная брюнетка, совсем молоденькая, вряд ли старше двадцати. Она была в скромном платье, которое облегло ее стройную фигуру; белый передник и такая же наколка на голове выдавали ее должность.

— Это Марина, одна из наших двух горничных, — представил ее Вдовин. — Если что нужно — обращайтесь к ней. Мариночка, проводи Льва Ивановича в его комнату, покажи, где тут что. В общем, прояви гостеприимство.

— Хорошо, Игорь Арсеньевич! — отвечала Марина; голос у нее был звонкий, словно колокольчик. — Идемте, я вам все покажу, — обратилась она к Гурову.

Вслед за прекрасной провожатой Гуров поднялся на второй этаж и по коридору проследовал в отведенную ему комнату. Она была угловая, на два окна; одно выходило на юг, где местность понижалась и открывался вид на речную долину; другое глядело на заднюю часть дома, в парк. Марина продемонстрировала гостю только что застеленную кровать; шкаф, где стояла его драгоценная сумка — уже пустая; одежда вся висела на плечиках; душ; сообщила, что обеда в русском понимании в усадьбе нет, а есть ланч, который он, к сожалению, пропустил. В пять часов будет подан чай, а в семь всех пригласят на ужин. Но если уважаемый Лев Иванович проголодался с дороги (а скорее всего, так и есть), то она приглашает его пройти на кухню, где повар Никита вмиг соорудит ему какую-нибудь закуску, по желанию. Гуров подумал, поглядел на часы (до пяти было еще далеко) и согласился.

После того что он слышал о чудо-поваре Никите, он представлял его себе солидным дядькой с брюшком. На деле же повар оказался еще молодым парнем, худым, черноволосым, с тонкими усиками на верхней губе, быстрым, ловким и подвижным — похожим то ли на акробата, то ли на пирата. «Такому не за плитой стоять, а бандитов по ночам ловить», — подумал Гуров, наблюдая за хозяином кухни. Выслушав сообщение Марины о голодном госте, усатый пират вмиг соорудил тарелку с двумя видами салата и аппетитным куском мяса посередине; кроме того, подал гостю отдельную тарелочку, где стояла пузатая рюмка с зеленоватого цвета жидкостью и лежал кусок селедки по соседству с вилкой.

— Это наша фирменная настойка, на травах, — сообщил Никита. — Всех гостей угощаем. Вам такую еще перед ужином поднесут. Ну а вы сейчас попробуйте — не пожалеете.

— Это что — как водка? — осведомился Гуров.

— Да нет, я ее на спирту делаю, — усмехнулся Никита. — Так что покрепче водки будет, имейте в виду.

— Не пугай, не из пугливых, — ответил Гуров и опрокинул фирменную настойку в рот.

Тут же выяснилось, что селедка приготовлена не зря. Да и блюдо с двумя салатами тоже пришлось впору после фирмен-

ного напитка — в настойке, по прикидкам Гурова, было градусов 60.

Он поел, потом отправился гулять по парку, затем поднялся к себе в комнату, принял душ и соснул минут двадцать. Тут позвали пить чай. За чаем Гуров познакомился с остальными обитателями «Комариков». Оказалось, что, кроме хозяина и его жены, банкира Кононова и певца Синицына, в усадьбе также жили две дамы — жена Кононова Татьяна, сухопарая и некрасивая дама сорока лет, и подруга певца Наташа — чудное создание лет, казалось, шестнадцати (позже выяснилось — восемнадцати), сошедшее прямо со страниц журнала мод. За столом она говорила мало, в основном помалкивала и улыбалась. Оказался здесь и еще один знакомый хозяина — Сергей Сергеевич Сургучев, которого представили как финансиста; про себя же Гуров окрестил его спекулянтом. Разговор за чаем вертелся вокруг разных видов отдыха — рыбалки, охоты, тенниса, прогулок. Раззадоренный этими разговорами, после чая Гуров согласился сыграть пару партий в бильярд с Кононовым, а затем еще и попытаться освоить теннис под руководством прекрасной Ирины Вдовиной.

За этими занятиями он и не заметил, как подошло время ужина. За ужином Гуров вполне оценил кулинарные таланты повара Никиты, а также умение Ирины Вдовиной вести беседу так, чтобы она не утихала, и каждый, сидящий за столом, имел возможность высказаться. После ужина компания переместилась в гостиную, Ирина села к роялю, спела несколько романсов. Все поглядывали на знаменитого автора и исполнителя, но спеть его никто не просил — как сообщил Гурову на ухо Кононов, Олег Синицын согласился приехать в усадьбу как гость, а не как певец. Потом, когда было уже совсем поздно, Гуров в компании хозяина, хозяйки и Аркадия Кононова пошел гулять вдоль реки.

Так началась жизнь Льва Гурова в лесной усадьбе. Он ловил рыбу, пару раз сходил с Кононовым и Сургучевым на охоту, играл в бильярд и теннис — в общем, проводил время с большим удовольствием. Оценил он и кулинарные таланты повара Никиты, перепробовал блюда, которых не ел до этого никогда. Доставляли ему удовольствие и разговоры за столом. Люди все собрались знающие, интересные, много повидавшие, и разговор мог коснуться самых неожиданных тем — например, охо-

ты на львов в разных странах Африки — финансист Сургучев, как оказалось, был большим любителем сафари. Каждый вечер Ирина Вдовина садилась за фортепиано, играла и пела. Иногда Олег Синицын приносил из своей комнаты гитару и подыгрывал ей; а однажды, уже перед самым отъездом Гурова из усадьбы, на него напало песенное настроение, и знаменитый автор спел несколько своих композиций. В общем, жаловаться на скуку и отсутствие впечатлений не приходилось.

На третий день пребывания Гурова в «Комариках» в усадьбе появилось новое лицо — сын Вдовина от первого брака Андрей. Это был довольно высокий юноша двадцати лет, загорелый, улыбчивый, с модной стрижкой, хорошо говорящий по-английски и всегда имеющий пару предложений о веселом проведении досуга — в общем, типичный представитель столичной обеспеченной молодежи. Гуров повидал немало таких молодых людей, когда занимался делами о мошенничестве или отжиге бизнеса; иногда они проходили как свидетели, иногда как потерпевшие, а иногда — и как обвиняемые.

Ко времени появления Андрея сыщик уже достаточно хорошо изучил всех обитателей усадьбы и о каждом составил свое мнение. Кононова он и до этого неплохо знал; теперь же узнал и его делового партнера Вдовина. Это был умный, сведущий, всегда сдержанный человек, никогда не говорящий откровенно. Его жена Ирина была полной противоположностью мужа. Гуров вначале считал ее вечернюю игру на фортепиано данью моде, в общем, каким-то выпендрежем. Однако потом понял, что играть, петь, собирать картины (Ирина Вдовина часто посещала выставки молодых художников, приобретала работы) было для нее душевной потребностью. Жена промышленника Вдовина была человеком вовсе не расчетливым. А еще Гуров отметил, что ее симпатия к знаменитому автору Синицыну, пожалуй, выходит за рамки простого уважения к таланту. «Впрочем, не мое это дело, — решил про себя сыщик, заметив этот факт. — Мое дело — убийства, а не шуры-муры. Тут и среди obsługi наверняка всякие романы есть; вон Никита с Мариной как друг на дружку поглядывают. И пускай».

В общем, Лев Иванович хорошо отдохнул эту неделю в «Комариках» и уехал из усадьбы с чувством, что хорошо и с толком провел время. Правда, с владельцем усадьбы он за эту неделю так и не сблизился — Вдовин все время держался с ним осто-